

Антон Долин

Акт неповиновения

Фильмы Джафара Панахи

Novaya R/ga Книги
Grāmatas

Содержание

4	Пролог
---	--------

Часть первая. Автор за кадром

18	“Зеркало”, или Непокорность
42	“Белый шарик”, или Настойчивость
66	“Круг”, или Разрыв
94	“Багровое золото”, или Противозаконность
118	“Офсайд”, или Победа

Часть вторая. Автор в кадре

144	“Это не фильм”, или Освобождение
166	“Закрытый занавес”, или Самоубийство
186	“Такси”, или Служение
208	“Три лица”, или Творчество
232	“Нет медведей”, или Пограничность

ernationale
festspiele
in

Пролог

Осенью 2022 года я берусь за эту работу. Берусь, потому что больше не могу сопротивляться. Много месяцев Джафар Панахи и его фильмы не выходят у меня из головы. Не знаю почему. Моя жизнь, как жизни миллионов россиян и украинцев, изменились навсегда после февраля этого года. Я с семьей уехал жить и работать из Москвы в Латвию. С началом войны многое потеряло прежний смысл. Конечно, это реакция психики на шок. Но не только. Вопросы, которые казались праздными и далекими, вдруг стали важнее всего остального. Например, зачем нужно кино, кому пригодится искусство, когда каждый день из-за чьей-то прихоти гибнут люди. Какой смысл разводить ритуалы вокруг эстетических вопросов, копаться в схоластических проблемах, спорить из-за разницы во вкусах, когда происходит подобное? Почему-то иррационально, необъяснимо казалось, что ответы — в кинематографе Панахи.

Иран далек и от России, и от Украины, и от Латвии. Я никогда не бывал в Иране. Его граждане живут в плену политических обстоятельств, под гнетом режима, который всегда представлялся мне значительно более жестоким, чем российский (теперь я в этом не уверен). Взгляд кинокритика на далекую страну, пропущенный через призму кинематографа, не может не быть близоруким и неточным. Прекраснодушным или неоправданно пугливым, но в любом случае не репрезентативным. Даже если (допустим) выучить фарси, погрузиться в историю, поэ-

зию, культуру, традиции. Взгляд извне останется взглядом извне. Джафар Панахи же никогда не был режиссером “на экспорт”, хотя эта участь и клеймо не миновали даже лучших, политэмигранта Мохсена Махмальбафа и снимавшего свои поздние картины за пределами Ирана учителя Панахи — Аббаса Киаростами. Сам Панахи всегда жил и работал в родной стране, это было его принципиальной позицией.

Возможно, этим объясняется и то, что о Панахи — лауреате абсурдного, рекордного набора фестивальных призов, — так мало написано и издано. Он почитаем, но мало исследован. Цельность его позиции и творческого почерка, вероятно, не помогают исследователям, а становятся еще одним препятствием — в эту цельность сложно проникнуть, и неясно, как ее анализировать.

Рискну взяться за этот труд.

Десять лет назад, в октябре 2012 года, в Москве состоялось протокольное мероприятие — Неделя иранской культуры, в рамках которой старейший кинотеатр российской столицы “Художественный” показывал программу иранского кино. Как раз тогда Панахи преследовался властями Ирана за политическую позицию и фильмы; разумеется, ни он, ни другие кинематографисты-диссиденты в московских показах не участвовали. В те дни по инициативе нашего коллеги Бориса Нелепо критики объединились для акции протеста — серии одиночных пикетов с напоминанием о Панахи прямо у входа в “Художественный”. Я тоже был в их числе. Само собой, никаких последствий (ни позитивных для Панахи, ни негативных для нас) не было — то были,

как ясно теперь, вегетарианские времена, когда гражданский мирный протест в России не был наказуем. Помнится, комментируя ту акцию для одного из изданий, я сказал, что нехотел бы превращения моей родной страны в Иран, имея в виду и цензуру, и преследования инакомыслящих. Честно говоря, тогда это казалось обычной риторикой, оборотом “для красного словца”. Но юбилей той акции мы отмечаем в изменившемся мире.

Исследование фильмов, карьеры и позиции Панахи позволяет разобраться в чрезвычайно важных проблемах, объединяющих Россию, Иран и другие авторитарные и тоталитарные режимы. Каков вес, какова ценность оппозиционного искусства — искусства протеста — в таких странах? В чем они измеряются? В количестве зрителей (и где: на родине или за ее пределами, где риски не столь высоки)? В числе фестивальных наград? Важен ли — и кому — тихий и, как правило, одинокий голос человека с камерой там, где из всех динамиков гремят военные марши? Стоит ли кино того, чтобы пожертвовать свободой или даже жизнью? Может ли кино — искусство зависимое и от бюджета, и от зрителей, и от большого количества участников, — в принципе быть оружием сопротивления? И насколько корректно говорить об “оружии”?

Мне бы хотелось, чтобы эта работа была не обычным исследованием творческого метода, стиля, биографии и устройства работ талантливого режиссера, а хотя бы отчасти давала ответы на эти вопросы.

Когда парижская Синематека любезно поддержала мой проект и пригласила работать над ним во Францию,

внезапно стало известно о новом аресте Джафара Панахи. В этот же день (все совпадения случайны, но знаменательны) Владимир Путин предпринял первый заграничный визит после начала войны — и отправился прямиком в Иран договариваться о военной поддержке. Несколько дней спустя Венецианский фестиваль объявил свою программу, в которую был включен новый фильм Панахи “Без медведей”.

А я написал небольшую статью — по сути, информационную заметку, лишенную какой-либо глубины и претензий на нее, — об аресте режиссера, чтобы хотя бы объяснить своим читателям, почему эта трагедия важна даже на фоне более масштабных и страшных событий. Этим небольшим текстом я хотел бы завершить вступление. Пусть он расскажет о герое книги тем, кто совсем его не знает.

Арест и шестилетний тюремный срок 62-летнего Джафара Панахи — по-настоящему трагическая новость, масштаб которой трудно переоценить. Живое воплощение сопротивления правящему режиму тоталитарного Ирана, талантливый режиссер стал жертвой своей бескомпромиссности. Приговор ему был вынесен еще в 2010-м, тогда Панахи был осужден за попытки документировать на камеру президентские выборы: обвинив его в “антигосударственной пропаганде”, к шести годам заключения суд добавил двадцатилетний запрет на съемки, написание сценариев, интервью и выезд из страны.

Возмущение всего мира, письма и выступления самых знаменитых деятелей кино в поддержку Панахи застави-

ли власти тогда пересмотреть вердикт — два месяца спустя тюрьму заменили домашним арестом. Воспользовавшись этим, Панахи тут же нарушил и запрет. Уже в 2011-м в Каннах показали его новую картину, снятую в жанре хоум-видео, с глумливым магриттовским названием “Это не фильм” (согласно легенде, флешку с записью провезли через границу нелегально, спрятав в пироге). С тех пор режиссер сделал еще четыре фильма. Три из них получили престижные призы на международных фестивалях, четвертый завершен только что.

Однако сам Панахи, чья кинематографическая деятельность была путем к свободе, вновь оказался за решеткой. На свою беду, режиссер вступился за двух коллег — также широко известного Мохаммада Расулофа (два года назад его фильм-протест против смертной казни “Зла не существует” победил на Берлинале) и Мостафу Алеахмада. Те открыто призывали власти сложить оружие после жестокого подавления народных протестов. Арестованы в итоге все трое, и Панахи вынужден отбыть шестилетний срок. Его вольномыслия и пренебрежения запретами руководство страны не забыло и не простило.

Может сложиться обманчивое впечатление, будто Панахи — политический активист, чьи многочисленные трофеи на Западе объясняются бесстрашными выступлениями против политики официального Ирана. Тем более что в прокате России, и то весьма нешироком, были, кажется, лишь два его фильма, “Офсайд” и “Такси”: зритель знает Панахи чрезвычайно плохо. Но у иранского режиссера недаром столь впечатляющий набор призов (по этому показателю он среди живущих кинематографистов — чуть ли не чемпион мира):

“Золотая камера”, “Золотая карета”, приз за сценарий и приз “Особый взгляд” в Каннах, “Золотой леопард” в Локарно, два “Серебряных” и один “Золотой медведь” в Берлине, “Золотой лев” в Венеции. Панахи не просто отважный и совестливый человек, он в самом деле незаурядный художник и подлинный новатор.

Бывший ассистент и младший соратник великого Аббаса Киаростами, Панахи с первого фильма демонстрирует удивительный художественный радикализм и изобретательность. “Белый шарик” (1995), поставленный по сценарию Киаростами и ставший для иранского кино прорывом, рассказывал немудрящую историю семилетней девочки, мечтающей получить на Новый год золотую рыбку. Простейший сюжет был решен неординарно, с вовлечением множества персонажей и нешуточным саспенсом: тема фильма — упрямое сопротивление бесправной героини гнету внешних обстоятельств. Об этом же говорит еще один “детский” фильм режиссера с отсылающим к Тарковскому названием “Зеркало” (1997). Первоклассница, которую мама не забрала из школы, решает доехать домой сама на автобусе. Но по пути обнаруживает, что, возможно, перепутала маршрут и едет не туда. Напряжение нарастает, и вдруг наступает неожиданный слом действия и одновременно “четвертой стены”: маленькая актриса сдергивает с себя микрофон и отказывается сниматься дальше. Отныне интригу движет протест героини против участия в фильме. В ее ребячливом поведении отражена и творческая стратегия самого Панахи.

“Круг” (2000), прогремевший в Венеции, — первый официально запрещенный фильм режиссера. С удивительным

мастерством и минимализмом он переплетает несколько сюжетов, говорящих о бесправии женщины в мире ортодоксального ислама (Панахи чутко передает связь традиционных и семейных табу с беспощадностью государственной политики). Конструкция фильма в самом деле представляет собой круг, от одной дверной прорези — безутешной бабушке в роддоме сообщают, что у ее дочери родилась девочка, — до другой, уже в тюремной камере, где собрались главные героини. Тему “Круга” продолжает также запрещенный “Офсайд” (2006), снятый в жанре саркастической комедии и основанный на реальных событиях. Переодетые в мальчиков девушки пытаются нелегально проникнуть на футбольный матч и оказываются под арестом. В этой элегантно-жизнеутверждающей картине и длительность, и количество персонажей соответствуют длине и составу команды матча. Принцип Панахи остается неизменным: игра для него — нечто большее, чем просто игра, и даже пассивный ее участник, простой болельщик, без спроса присваивает себе право на активное действие.

В промежутке между этими фильмами Панахи снимает “Багровое золото” (2003), одно из самых радикальных своих исследований иранского социума: разумеется, было запрещено и оно. Это отсылка к жанровому кино — формально фильм рассказывает об ограблении ювелирной лавки, представляя ретроспективную реконструкцию преступления. Главный герой Хоссейн — разносчик пиццы, сведенный с ума постоянными унижениями. Его роль исполнял Хоссейн Эмадеддин, действительно курьер, у которого была диагностирована шизофрения. Никогда еще грань между документальным и игровым в кинематографе Панахи не была настолько призрачной.

Разве что в “Это не фильме”, притворяющемся бессодержательной хроникой домашнего ареста, но на деле рассказывающем без малейшего пафоса о возможности творить и не молчать даже в тюрьме, даже со связанными руками.

“Закрытый занавес” (2013) — изысканный формальный эксперимент, продолжающий ту же линию. Соавтор Панахи и не менее знаменитый режиссер Камбузия Партови играет кинематографиста, приехавшего в свою виллу на море, чтобы спрятать от властей своего “нечистого”, согласно исламским законам, друга — пса по кличке Мальчик. В его жизнь вторгается незнакомка с суицидальными наклонностями, которую также преследует полиция. А потом ситуацию окончательно запутывает вмешательство автора: Панахи входит в кадр. Этот сложный фильм-метафора недвусмысленно призывает к свободе, гражданской и творческой, по сути, уравнивая их.

Манифестацией такой свободы становится победитель Берлинале “Такси” (2015). Там Панахи садится за руль, подвозя одного за другим якобы случайных пассажиров и разыгрывая в диалоге с ними разножанровые микрофильмы в диапазоне от социальной драмы до абсурдной комедии. Среди его партнеров и девочка, напоминающая о героинях ранних лент режиссера: это родная племянница Панахи, которая чуть позже и получала на сцене “Золотого медведя” для невыездного режиссера. В поэтичных “Трех лицах” (2018) тот снова сам садится за руль и возвращается к своей излюбленной теме — участи женщин в Иране. Фильм рассказывает об актрисах трех поколений, чьи профессиональные судьбы сломаны вмешательством цензуры или исковерканы несогласием близких с их решением заняться “непристойным” ремеслом.

В каждом из своих фильмов, включая ранние документальные картины и короткометражки, Панахи недвусмысленно оппонирует официальной доктрине иранского искусства, демонстрируя поразительный уровень как мастерства, так и внутренней независимости от любых запретов и табу. Во все времена такие художники становились жертвами и вместе с тем ценились особенно высоко. Нынешний арест и тюремный срок тоже парадоксально свидетельствуют о такой оценке.

Как было сказано выше, совпадения случайны, но не вполне. Протесты и массовые беспорядки, приведшие в конечном счете и к аресту Панахи, обрели новую силу после трагической гибели Махсы Амини 16 сентября 2022 года. Девушка была задержана за “неподобающее ношение хиджаба” и убита. Это привело к многотысячным акциям протеста, жестокому их подавлению, публичным казням. Но также впервые за долгое время сплотило нацию в противостоянии полицейскому произволу, беспощадным законам и всеобщему бесправию, которое особенно остро ощущают в Иране женщины.

Поспеть за реальностью и описать ее до того, как она радикально изменится еще раз, кажется невозможным. Поэтому я возвращаюсь к кино, считая это не побегом, но способом анализа — возможно, кому-то интересного или даже полезного.

Джафар Панахи, когда я пишу эти строки, продолжает сидеть в тюрьме*.

* Пока готовилась эта книга, после объявления сухой голодовки, в начале февраля 2023 года Джафар Панахи был выпущен под залог.